

Константин А. Богданов

Пьянство и русская литература:

РИТОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

Konstantin A. Bogdanov

Drunkenness and Russian Literature: Rhetorical Models

Константин Богданов (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, ведущий научный сотрудник; доктор филологических наук) konstantin.a.bogdanov@gmail.com.

Konstantin Bogdanov (Dr. habil.; Head Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences) konstantin.a.bogdanov@gmail.com.

Ключевые слова: пьянство, русская литература, риторика, Игорь Северянин, К. Фофанов

Key words: drunkenness, Russian literature, rhetoric, Igor Severyanin, K. Fofanov

УДК: 82.091

DOI: 10.53953/08696365_2023_183_5_8

UDC: 82.091

DOI: 10.53953/08696365_2023_183_5_8

Статья посвящена теме пьянства в русской литературе как примете ее мотивной и биографической традиции. В центре внимания связь этой традиции с проблематизацией самой риторики как теории и практики (само)убеждающего красноречия. По мнению автора, применительно к истории русской культуры XIX — начала XX века особенностью этой связи стала своеобразная апология пьянства как равно литературного и жизненного выбора.

The article is devoted to the topic of drunkenness in Russian literature as a sign of its motive and biographical tradition. The focus is on the connection of this tradition with the problematization of rhetoric itself as a theory and practice of (self)persuasive eloquence. According to the author, in relation to the history of Russian culture of the 19th — early 20th century, a peculiarity of this connection was a kind of apology for drunkenness as a literary and life choice.

Настоящая статья представляет собою расширенную версию комментария к одному немаловажному, как я полагаю, аспекту биографии Игоря Северянина — а именно устойчивой склонности поэта к выпивке. Сама по себе такая тяга могла бы стать предметом медицинского, а точнее наркологического — психиатрического и физиологического — анализа [Ciobica et al. 2015; Goodwin 1988], но для филолога и историка культуры она интересна своим риторическим обрамлением — набором аргументов, призванных к ее объяснению и полному оправданию со стороны самого поэта.

Риторика подобных объяснений в каждом конкретном случае по своему определению персональна, но, как подсказывают те же медики, позволяет судить о ней на обобщающем фоне типологически схожих случаев. Притом что присутствие алкоголических тем в литературе может считаться универсальным для западноевропейской и американской культуры [Gilmore 1987; Taylor 2013], для меня таким фоном послужит русская литература, а шире, русская культура, которая, как и любая культура, существует, с одной стороны, в преемственности, а с другой стороны — трансформации тех или иных повторяющихся явлений.

Любые традиции меняются, но даже радикальные перемены, как это хорошо знают антропологи, не отменяют их общей редукции к тем или иным базовым основаниям социального и культурного опыта. Для русской традиции, помимо прочего, это и опыт пьянства и навык риторических способов его объяснения.

Разговор о риторике применительно к практикам социального взаимодействия при этом не столь тривиален, как это могло бы показаться. Прежде всего он сложен и интересен при прояснении того, что в этих случаях называть риторикой. С одной стороны, — и это, казалось бы, очевидно — риторика — это дисциплина, описывающая и вместе с тем предписывающая приемы речевого, а шире, дискурсивного (письменного, акционального, а теперь — и широко медиального) убеждения.

С другой стороны — это сама речевая деятельность. Анри Мешонник в этой связи остроумно отметил парадокс, который состоит в том, что традиционная риторика (как дисциплина) «рассматривает речевую деятельность исключительно как риторику», но «хотя мы все без остатка и есть сама речевая деятельность, мы не можем иметь к ней прямого доступа» [Мешонник 2014: 83]. Что мешает это сделать?

В том виде, в котором риторика в качестве такой дисциплины сложилась уже в Античности, она допускает предельно широкие классификации в своих частностях. История филологии умножила и усложнила такие классификации *pes plus ultra*. Сегодня, по удачному выражению Георгия Хазагерова, «это Авгиевы конюшни, над которыми бьются Гераклы классической филологии» [Хазагеров 2022: 49]. Но Геркулесовы столбы финальных редуций остаются прежними: это *inventio* — «изобретение», *dispositio* — «расположение», *elocutio* — «изложение», *memoria* — «припоминание», *pronuntiatio/actio* — «произнесение/жестикаляция, мимика». Но есть и проблема: коль скоро в случае *inventio*, *dispositio* и *elocutio* речь идет о формальных аспектах организации того, что говорится, пишется и показывается, а в случае *memoria* и *pronuntiatio/action* — об эмоциональных особенностях, то возможная иерархия между ними допускает противоречивые, а часто и взаимоисключающие характеристики самой риторики.

Допустимость расширительного представления о риторике подразумевалось уже ее классиками. По рассуждению Цицерона (в «Бруте»), знаменитые ораторы были прежде всего людьми чести и долга, знатоками не только красноречия, но также философии и словесности (см., например: *Brutus*. 50: 186—188, 76: 265). Квинтилиан делал исходя из этого следующий шаг: выдающийся оратор должен быть «доблестным мужем» или попросту «хорошим человеком» (*vir bonus*), выделяющимся не только своими способностями к красноречию, но и добродетелями души, востребованным в общественных и частных нуждах (*Inst. Orat. Prohœmium*. IX—X). Ни Цицерон, ни Квинтилиан не предполагали, конечно, что акцент на гражданских качествах оратора снимает с него обязанность овладения навыками виртуозной речи, но в глазах аудитории требования, предъявляемые к оратору, в существенной мере были (и остаются по сей день) безразличными к формальным и силлогистическим особенностям ораторского говорения. Психолингвистические исследования последнего столетия придали этому наблюдению лабораторную убедительность: восприятие любого текста зависит от социальных и психологических установок реципиента — так называемых ситуативных predispositions (прежде всего — отношения к автору текста), создающих своего рода модель «опережающего» истолкования смысла информации [Wertsch 1975].

У этого вопроса есть и свой этический извод, который тоже был подмечен очень давно. По определению, возводимому античной традицией к сицилий-

скому оратору Кораксу (VI век до н.э.), целью оратора является не раскрытие истины, но убедительность при помощи вероятного [Hinks 1940: 61]. В достижении такой цели, по Платону (в «Горгии»), «знать существо дела красноречию нет никакой нужды, надо только отыскать какое-то средство убеждения, чтобы казаться невеждам большим знатоком, чем истинные знатоки» (459B)¹. Но если софистическая риторика — это риторика «мнений», а значит, и обмана, то исправить это положение, как настаивает тот же Платон в «Федре», должны философы, стремящиеся к истине. Но и эта надежда не отменяет действительной проблемы говорения — ведь ораторская речь, как замечал уже Аристотель, «слагается из трех элементов: из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается; оно-то и есть конечная цель всего (я разумею слушателя)» (1358 b)². Однако и оратор, и слушатель — величины не постоянные: аудитория наделена этосом — возрастными и социальными характеристиками, а значит, и пафосом, то есть страстями, придающими риторическим доказательствам (логосу) неизбежные и переимчивые эмоции.

Все эти обстоятельства и раньше и теперь ведут к дискуссиям о «правильной» и «неправильной», «старой/устаревшей» и «новой риторике». Как теперь выясняется, существует не одна риторика, а несколько. Но если это так, то что дает нам накопленный арсенал знаний о риторике как дисциплине?

Теоретические сложности в разговорах о риторике не снимают вместе с тем вопроса о том, какие ее особенности как дисциплины и как «естественной» речи выражают себя в опыте той или иной культурной традиции. Рассмотрение отдельных примеров — и их соотнесения друг с другом — представляется здесь занятым и поучительным.

Но вернемся к Северянину. Поэт временами много пил, а его пьянство приобретало пугающие черты. Ф.Ф. Фидлер, хорошо знавший литературную среду дореволюционного Петербурга, в октябре 1913 года записывает в дневнике свой разговор с Сологубом о Северянине. По словам Сологуба (к этому времени разорвавшего отношения с Северяниным после сорвавшейся поездки с чтением стихов по Западной России):

Он пьет так сильно, что его организм уже не может принимать пищи. Несколько лет назад у него был роман с дочкой какого-то портъе, родившей ему младенца; она требовала через суд, чтобы он взял на себя заботу о ребенке, но он отказался признать свое отцовство. Теперь у него сын от какой-то портнихи; он и в этот раз хотел отречься от матери с ребенком, но Сологуб и Чеботаревская уговорили его взять обоих к себе. Теперь «жена» содержит его трудом своих рук, сам же он существует лишь за счет родственников, предоставляющих ему бесплатное жилье и 50 рублей ежемесячно (которые он пропивает) [Фидлер 2008: 610]³.

-
- 1 Платон. Горгии / Пер. с др.-греч. С.П. Маркиша // Платон. Диалоги. М.: Эксмо, 2008. С. 273.
 - 2 Аристотель. Риторика / Пер. с др.-греч. Н. Платоновой // Античные риторики / Под ред. А.А. Тахо-Годи. М.: МГУ, 1978. С. 24.
 - 3 В комментарии к этой записи К. Азадовский указывает: «Видимо, в устном рассказе Ф. Сологуба отразились кратковременные (в 1908 г.) отношения Игоря Северянина с Е.Т. Гутцан, плодом которых была дочь Тамара (в замуж[естве] — Шмук), и его роман с Е.Я. Золотаревой в 1912—1915 гг. (в 1913 г. у них родилась дочь Валерия, в замуж[естве] — Семенова)» [Фидлер 2008: 722].

В воспоминаниях Сергея Спасского, впервые увидевшего Северянина ранее в том же году в Тифлисе (во время совместного турне с Сологубом), гостиничное времяпрепровождение поэта описывается так:

Мы пошли через смежный номер. Там находился Северянин. Он полулежал на диване в старой тужурке, невыспавшийся, с несвежим, опухшим лицом. На столе перед ним — графин водки и тарелка с соленым огурцом. Отрывисто и важно он сообщил, что вскоре выйдет «Громокипящий кубок»... Был пьян и сам Северянин. Мутно смотря поверх присутствующих в пространство, выпевал вьевшийся в уши мотив. Казалось, он не воспринимает ничего, механически выбрасывая хлесткие фразы. Вдруг покачивался, будто вот упадет [Спасский 1933].

26 декабря того же 1913 года Северянин вместе с Маяковским выехали в Симферополь. По воспоминаниям самого Северянина, в поезде они «сидели большей частью в вагоне-ресторане и бесконечно беседовали за стаканом красного вина», а в самом Симферополе в гостинице «Бристоль» «почти ежевечерне пили шампанское... пивали обыкновенно по шести бутылок» [Северянин 1996: 170, 171].

Поэтически, но тоже недвусмысленно о пристрастиях и облике Северянина этих лет вспомнит Маяковский в поэме «Облако в штанах» (1915):

из сигаретного дыма
ликерною рюмкой
вытягивалось пропитое лицо Северянина.

[Маяковский 1955: 187]⁴

Судя по мемуарным свидетельствам, ситуация не сильно изменилась и в последующие годы. В 1915 году Фидлер записывает со слов Корнея Чуковского впечатление от устроенного Северяниным «поэзовечера»:

Попасть на этот вечер было труднее, чем на концерт или выступление Шалапина. Почти исключительно — девицы; при появлении явно подвыпившего поэта они пожирали его такими сладострастно восхищенными глазами, что «наверно, могли забеременеть от одного созерцания» [Фидлер 2008: 660].

Много позднее Василий Шульгин вспомнит о Северянине и его жене эстонке Фелиссе Круут, которая пыталась отучить поэта от пагубной привычки:

Он был совершенно непутевый; 100%-ая богема, и на чисто русском расколе. Она (Фелисса Круут. — К.Б.) была от балтийской воды; он — от российской водки. Он, по-видимому, пил запоем, когда она стала его женой... Сколько раз ей казалось, что одержана окончательная победа; и вдруг он запивал так, как будто хотел проглотить всю «балтийскую лужу». Сколько «честных» слов оказались бесцельными?⁵

4 Следующие две строки: «Как вы смеете называться поэтом / И, серенький, чирикать, как перепел!», — возможно содержат каламбур: «серенький» — «Северянин», «перепел» — «перепил». Маяковский раздражительно упоминал Северянина и в последующие годы. См. об этом: [Кацис 2000: 114—117].

5 Дневник Василия Шульгина. Запись от 7 января 1951 года (цит. по: <http://severyanin.lit-info.ru/severyanin/vospominaniya-o-severyanine/dnevnik-shulgina.htm> (дата обращения: 18.07.2023)).

Интересно, что в автобиографической поэме «Падучая стремнина» сам Северянин вложит в уста своей возлюбленной Златы целый монолог о беде пьянства и ее упреки к нему:

А мой отец (Господь, прости мне эти
Для дочери опасные слова!)
Пропойца, негодяй, он нехороший,
Нечестный человек. Вы пьете с ним.
Притом, мне кажется, гораздо больше,
Чем следует; не глупо ль прозвучало,
Что следует пить водку, эту мерзость,
Губящую как тело, так и дух?
Я — враг ее: она мне причинила
Так много горя; матери моей
Ускорила кончину, потому что
Отец мой, вечно пьяный, поведением
Бессовестным ее в могилу свел.
Я — враг ее, а раз отец — пропойца,
Естественно, что и ему я враг.
И если вы действительно хотите
Мне другом быть, не пейте больше, милый,
И не ходите в этот дом проклятый,
Где нераздельно властвует вино.

[Северянин 1995а: 197]

Здесь же не обошлось без мазохистических воспоминаний:

Знакомая прекрасно обстановка
Отчаянье такое всколыхнула
Во мне, что стал я пить, и в результате
Допился до потери представленья,
Где я, зачем и что со мной.

[Там же: 222]

Между тем апология опьянения — реального или воображаемого — часто встречается в стихах Северянина⁶. Уже в ранних стихотворениях оно равносильно поэтической свободе от унылого и суетного быта:

Как нам не пить, когда в вине — забвенье,
И гордый мир, и бодрость, и мечты...
Вино, вино! Ты — символ вдохновенья,
Аэростат от вздорной суеты.

6 См.: «Бокал прощенья» (1907), «Звезды» (1907), «Юг на севере» (1910), «Эпиталама» (1911), «На Островах» (1911), «Шампанский полонез» (1912), «Те, кого так много», «Икра и водка», «Последняя любовь», «Знатная дама», Бродячая собака (1915), «Прежде и теперь», «Поэза "Villa mon heros"» (1921), «Чьи грезы?», «Мы победим!», «Увертюра» («Ананасы в шампанском», 1915), «Орешек счастья», «Г-н цап-царап», «И это явь», «Памяти Н.И. Кульбина» (1918), «Поэза влияний "Crème d'Erinpe Vinete"», «Поэза новых штрихов» (1920), «Станюкович», «Сонет Бальмонту» (1920), «Верлен» (1926), «Потемкин» (1926), «В пути» (1928).

За знойный темп думанного мгновенья
Я отдаю столетья темноты.
И, как не пить, когда в вине — забвенье,
Когда в вине — державные мечты!
(1909) [Северянин 1995б: 462]

Как лютик, упоенный лютней, —
Я человек не из людей.
И право, как-то жить уютней
С идеей: пить из-за идей.
(1909) [Северянин 1995б: 8]

Поэтическим манифестом, оправдывающим «пьянство поэта», стало стихотворение Северянина «На смерть Фофанова» (1911) — поэта и человека, исключительно близкого и перевозимого Северяниным в качестве своего друга и наставника:

Пока поэт был жив, его вы поносили,
Покинули его, бежали, как чумы...
Пред мудрым опьяеньем — от бессилья
Дрожали трезвые умы!
Постигнете ли вы, «прозаики-злодеи»,
Почтенные отцы, достойные мужи,
Что пьяным гением зажженные идеи —
Прекрасней вашей трезвой лжи?!
Постигнете ли вы, приличные мерзавцы,
Шары бездарные в шикарных котелках,
Что сердце, видя вас, боялось разорваться,
Что вы ему внушали страх?!
Не вам его винить: весь мир любить готовый
И видя только зло, — в отчаяньи, светло
Он жаждал опьянеть, дабы венец терновый,
Как лавр, овил его чело!..
Я узнаю во всем вас, дети злого века!
Паденье славного — бесславных торжество!
Позорно презирать за слабость человека,
Отнявши силы у него.
[Северянин 1995в: 165]

Это занятный текст. Главные доводы в оправдание пьянства Фофанова в глазах самого Северянина, вероятно, относимы и к нему самому. Мир поэта — это пьяный и равно возвышенный и честный мир, которому противостоит толпа «мерзавцев в котелках». Да, пьянство — это слабость, но такова цена «мудрого опьянения» — бегства от зла к любви и красоте.

Редкий мемуарист не упоминает о пьянстве Фофанова. Истории о пьянстве поэта сопутствуют его биографии. О некоторых из них поведал в своих дневниках упомянутый выше Фидлер и Иероним Ясинский — литературный критик и писатель, активно сотрудничавший с целым рядом российских журналов конца XIX — начала XX века.

В воспоминаниях Ясинского рассказ о знакомстве с Фофановым выглядит характерно. При встрече поэт отрекомендовался так:

Я не кончил второго класса училища. Но все же поэт знает больше, чем ученый. Может быть, даже хорошо, что я не знаю ничего того, что знают другие поэты. Я — поэт Божьей милостью... Отец мой был дровяником и горьким пьяницей, а от вина рождается не только блуд, но и поэзия, он родил меня, и я сочетаю в своем лице и то, и другое. <...> Можно сказать, он пьянствовал всю жизнь. Он не мог писать стихи, если не выпьет. Выпивши, он говорил невероятные глупости, сравнивая себя с Иоанном Кронштадтским, с Толстым и — с Иисусом Христом... А поэтическая фраза лилась из-под его карандаша или пера непринужденно, красиво, легко [Ясинский 1926: 173—174].

Максим Горький, познакомившийся с Фофановым незадолго до его смерти, писал о нем:

Он был невыносимо, до страшного жалок, всегда пьяный, оборванный и осмеиваемый, но как бы ни был он сильно пьян, его небесно-голубые глаза сияли именно так, как это изобразил Репин... Несколько раз он присылал ко мне за деньгами... Сам Конст[антин] Мих[айлович] был у меня лишь однажды и... совершенно пьяный... говорил он что-то бессвязное, непонятное... Потом спросил вина... выпив, уснул на диване, а через час или два незаметно ушел [Горький 1955: 461—462].

Фофанов, конечно, не был единственным поэтом, запомнившимся современникам не только качеством стихов, но и количеством выпитого спиртного. Пьяные выходки поэта, страдавшего наследственным алкоголизмом, могли бы составить отдельную грустно-анекдотическую историю. Ранимость поэта сопутствует в этих «анекдотах» воспоминаниям о его семейных неурядицах, публичных скандалах и скабрзностях, тяжелой психопатии и неврастении, гнетущей бедности, медицинским хлопотам и, наконец, его смерти 48 лет отроду, подытожившей его равно разгульную и невеселую жизнь.

Судьба Фофанова высвечивает немаловажные особенности в самой проблематике «литературного пьянства». Биографическая история русской культуры многолюдна многопьющими художниками, музыкантами, писателями и поэтами. В этом ряду, берущем начало с имен Ломоносова⁷ и особенно Сумарокова [Гуковский 1941: 353]⁸, история продолжается в умеренном винопитии романтиков, которая постепенно становится историей близких к алкоголизму писателей разночинцев и народников. В их числе — умершие от запоев Лев

7 См. эпиграмму В. Тредиаковского на Ломоносова: «Хоть глотку пьяную закрыл, отвисши зоб / Не возьмешь ли с собой ты бочку пива в гроб? / И так же ли счастлив мнишь в будущем ты веке, / Как здесь у многих ты в приязи и опеке? / Никак там твой покров и черт и сатана? / Один охотник сам до пива и вина, / Другой за то тебя поставит в аде паном, / Что крюком в ад влечет, а ты большим стаканом» [Поэты XVIII века 1972: 399].

8 Ср.: «Под конец своей жизни Сумароков жил в Москве, в Кудрине, на нынешней площади. Дядя (И.И. Дмитриев) мой был 17 лет, когда он умер. Сумароков уже был предан пьянству без всякой осторожности. Нередко видал мой дядя, как он отправлялся пешком в кабак через Кудринскую площадь, в белом шлафроке, а по камзолу, через плечо, анненская лента. Он женат был на какой-то своей кухарке и почти ни с кем не был уже знаком» [Дмитриев 1869: 20—21].

Мей (1822—1862) и Аполлон Григорьев (1822—1864)⁹, Николай Помяловский (1835—1863), умерший от заражения крови после длительного припадка белой горячки¹⁰, Александр Левитов (1835—1877), бродяжничавший по трущобам и умерший от чахотки после длительных запоев¹¹, Федор Решетников (1841—1877), скончавшийся от отека легких в результате алкоголизма¹², Николай Успенский (1837—1889), зарезавшийся перочинным ножиком в московском переулке [Чуковский 1933: 60—61]. Алкоголизм в конечном счете довел до смерти Леонида Андреева (1871—1919) [Уайт 2005]. Писатели были не одиноки: от пьянства умер замечательный художник Леонид Соломаткин (1837—1883) [Нестерова 1997: 23—35] и композитор Модест Мусоргский (1839—1881) [Березуцкий, Березуцкая 2020; Тиганов 2015]. Тяжелыми запоями страдал М.И. Глинка [Ерышев 2013], П.И. Чайковский [Фролов 2002; Wiley 2009: 446—447], А.К. Глазунов [Луконин 2016: 216—219].

Тема пьянства важна для творчества Н.А. Некрасова (притом что сам Некрасов пил мало), тем интереснее его поэтические объяснения пьянству как социальному и психологическому явлению в поэме «Кому на Руси жить хорошо». Такова, в частности, речь Якимя Нагого в главе «Пьяная ночь», из которой выясняется:

Нет меры хмелю русскому.
А горе наше меряли? <...>

У каждого крестьянина
Душа, что туча черная.
Гневна, грозна; и надо бы
Громам греметь оттудова,
Кровавым лить дождям.

-
- 9 Венгеров С. Григорьев А.А. // Энциклопедический словарь Брокгауза — Ефрона: в 86 т. Т. IXа: Гравилат — Давенант. СПб.: Тип.-лит. И.А. Ефрона, 1893. С. 722.
- 10 Ср.: «В сентябре 1863 года, после сильного припадка *delirium tremens*, продолжавшегося несколько дней, у него открылась опухоль в ноге и затем образовался нарыв, по вскрытии которого в клинике Медико-хирургической академии обнаружилась гангрена, и 5-го октября 1863 года П[омяловский] умер» // Русский биографический словарь / Изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А. А. Половцова: в 25 т. Т. 14: Плавильщиков — Примо. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1905. С. 500.
- 11 Венгеров С. Левитов А.И. // Энциклопедический словарь Брокгауза — Ефрона: в 86 т. Т. XVII: Култагой — Лед. СПб., 1896. С. 439.
- 12 См. воспоминания Глеба Успенского: «Когда я появился в Петербурге в 61 году, то было два резких явления — начало движения молодежи и пьянство остатков и полуталантов, людей 40-х годов, людей старого воспитания. Я жил между теми и другими. Аполлон Григорьев, Аверкиев, Курочкин В[асилий], Якушкин, Левитов, Решетников, Помяловский, Куцевский, Демерт, С.И. Максимов... и тьмы тем пьяных людей. Никуда нельзя было прийти, чтобы не натолкнуться на пьяные сцены. Я года два только и делал, что возил пьяных в белой горячке в больницы, выправлял из квартала, звонил к дворнику — “не ваш ли?” [Успенский 1929: 612—613]; «С крупными писателями я не имел никаких связей, а мои товарищи — люди старше меня лет на десять — почти все без исключения погибали на моих глазах, так как пьянство было почти чем-то неизбежным для тогдашнего талантливого человека. Все эти подверженные сивушной гибели люди были уже известны в литературе, и, живи они в наше время, когда можно на полной свободе “пленять своим искусством свет”, — они бы написали много изящных произведений» [Глеб Успенский в жизни 1935: 63—64].

А все вином кончается:
Пошла по жилам чарочка —
И рассмеялась добрая
Крестьянская душа! <...>

«Нам подобает пить!
Пьем — значит, силу чувствуем!
Придет печаль великая,
Как перестанем пить!..»

[Некрасов 2000: 43, 47]

Из истории написания поэмы известно, что одним из вариантов окончательного ответа на поставленный в ее названии должен был оказаться мужичок во хмелю, которого крестьяне-странники встречают в кабаке [Успенский 1971: 374—375; Михайловский 1909: 22].

В «Господах Головлевых» М.Е. Салтыкова-Щедрина (1875—1880) пьянство двух из главных героев — Владимира Михайловича Головлева и его сына Степана — и вовсе обретает метафизический смысл. Спивающиеся герои оправдывают свой алкоголизм морально-нравственным катарсисом: Владимиру, не способному сопротивляться пьяному искушению — и безмерно от этого страдающему, — водка в то же время открывает ценности христианского милосердия: пронизательное понимание ложной и истинной праведности. Защищая сына Степана от своей лицемерной и жестокосердой жены («ведьмы», как он ее называет) Арины Петровны и устроенного ею «семейного суда», Владимир не случайно вспоминает притчу о мытаре и фарисее: «Мытаря судить приехали?.. вон, фарисеи... вон!» [Салтыков-Щедрин 1972: 43]. В Евангелии от Луки прощения заслуживают мытарь, осознающий себя недостойным оправдания перед Господом, а посрамления — фарисей, хвастающийся своей праведностью. «Всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк., 18: 9—14). Степан наделяет водку целебной, чуть не лекарственной пользой: «водка... для здоровья полезна», «ромом вылечился», «пить скверно, да и не пить нельзя — потому сна нет». Но вместе с тем — в принятой им на себя роли трикстера («Степка-балбес») — видит в водке чуть не святую воду: «водка — святое дело» [Там же: 32]. Выпивку он сопровождает церковным песнопением «Спаси, господи, люди твоя» — то есть зачином тропаря Креста, читаемого при освящении воды: «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, победы царем на сопротивные даруя и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство» [Домострой 2016: 118]. Сцены выпивки и описание опьянения настолько часты в романе Салтыкова-Щедрина, что при всем крайне негативном отношении писателя к алкоголю прочитываются как некий трактат о его судьбоносной роли в эпическом повествовании об истории семьи Головлевых. Для прозы Салтыкова-Щедрина — как и вообще для традиции русской литературы второй половины XIX века — обычна установка на типизацию. Мотив пьянства — это мотив жертвенности и вместе с тем спасения: запои — это «неистощимые родники боли» и вместе с тем катарсиса, примиряющего с «общей жизненной неурядицей» [Салтыков-Щедрин 1972: 321].

Татьяна Ляшенко, проанализировавшая мотив пьянства в романе, остроумно и, может быть, излишне смело соотносит его с описанием ритуального

действия, способствующего достижению трансцендентного состояния — выхода за пределы собственного «я» в пространство воображения и в конечном счете экзистенциального (само)забвения (исследовательница вспоминает в этой связи об индийском обряде Кали-пуджу, в ходе которого адепт, потребляющий вино из священного сосуда, «разрушает» себя, как бы принося себя в жертву своей покровительнице) [Ляшенко 2020]. При желании исследователя к этнографическим обобщениям текст Салтыкова-Щедрина дает повод увидеть в нем описание алкогольного опьянения и как мистерии, и как спиритического сеанса (о котором пишет и сам писатель) [Салтыков-Щедрин 1972: 326], и как фантазмагии (впадающий в алкоголизм удачливый брат Степана Павел предается придуманным им «сценам с разговорами», в которых он мстит ненавистному Иудушке), и как практику мокши — освобождение из круговорота жизней и смертей (сансары) и достижение нирваны — обретение покоя (таково, например, описание опьянения Степана: «Самая тьма наконец исчезла, и взамен ее являлось пространство, наполненное фосфорическим блеском. Это была бесконечная пустота», но под конец исчезает даже она — торжествует Ничто [Салтыков-Щедрин 1972: 61]).

Штабс-капитан Снегирев в «Братьях Карамазовых» Достоевского объясняет пьянство так: «В России пьяные люди у нас и самые добрые. Самые добрые люди у нас и самые пьяные. Добрыми становятся люди в ненормальном состоянии. Каков же нормальный человек? Злой. Пьют добрые, но плохо поступают тоже добрые. Добрые забыты обществом, жизнью правят злые» [Достоевский 1976: 222].

Мазохистично признание спившегося чиновника Семена Мармеладова в «Преступлении и наказании»: «Пью, ибо сутобо страдать хочу» [Достоевский 1973: 15]. Мармеладов — «пьяненький», таким он лежит после ухода дочери Сони из дома, не в силах удержать ее от постыдного решения, но даже в этом состоянии осознающий возвышенность ее выбора: «Так не на земле, а там... о людях тоскуют, плачут, не укоряют, не укоряют» [Достоевский 1989: 23]. (Напомню, что в 1865 году Достоевский начинал писать роман «Пьяненькие», наброски из которого вошли в «Преступление и наказание».)

Мастер-кузнец Левша из сказа Лескова пьет на спор, но тоже горемычно: поспорив с англичанином, кто кого перепьет, он умирает от белой горячки. Пристрастны к пьянству и положительные герои малой прозы Скитальца — и это пьянство оправдано, как свидетельство «широты русской души» и добровольной жертвенности [Чэн Лян 2021]. Большая и малоизученная тема — мотивы опьянения и пьянство Блока (хотя материалов для этого и дневниковых и мемуарных более чем достаточно).

Обзор «алкогольной темы» в русской литературе, без сомнения, мог бы послужить материалом для обширного исследования. В нашем случае вышеприведенного беглого перечня достаточно, чтобы присмотреться к риторике «литературного» — мотивного и собственно биографического, бытового пьянства русских писателей и поэтов. Ключевые слова в этой истории находятся несложно: с одной стороны — это бегство от рутины повседневности, забвение, восторг и вдохновение, с другой — горе, но и жертва, безысходность, но зато и жизненная правда, сострадание и любовь.

Для антрополога естественно думать, о чем писала уже Мэри Дуглас, что «выпивка является по своей сути социальным актом, совершаемом в общепризнанном социальном контексте» [Douglas 1987: 4]. Для литературного мира

таким контекстом, по-видимому, служили разные вещи. С одной стороны общество, хотя и осуждавшее, но и примирявшееся с пьянством как устойчивой приметой социального окружения и национального характера. С другой стороны, таким контекстом была уже сложившаяся традиция литературных примеров, подсказывающих, как можно и нужно писать в границах тех или иных жанров и направлений — будь то, условно говоря, романтизм, реализм, декаданс или что-то другое. Психологические исследования доказывают, что сам интерес к алкогольной тематике в литературе тем сильнее, чем с более позитивными ценностями эта тематика ассоциируется. А вера в то, что художественно одаренные люди пристрастны к алкоголю, объяснима ценностями самого творчества как свободы выражения [Chu et al. 2019].

В историко-культурной ретроспективе истоки поэтического и, шире, литературного пьянства восходят к Античности, где, по оправданному суждению Франсуа Лиссарага, «поэзия и вино так тесно связаны между собой, что даже становятся метафорами друг друга» [Лиссараг 2008: 127]. Дар поэта — это дар, обязанный винопитию — соотносению сказанного/пропетого и выпитого, взаимодействию духа и плоти. Мера выпитого — например, у Феогнида и Анакреона — это мера контроля над собою и тем, что и как говорится [Roth 2000]. Но в любом случае — это добровольное опьянение. В XIX веке эта дилемма дает о себе знать в неоформленном, но подразумеваемом споре Шарля Бодлера с Жаном Антельмом Брийья-Савареном, законодателем гастрономических приоритетов кулинарной культуры Франции. Для Саварена вино — это еда, неотъемлемая часть питания. Для Бодлера вино — это наркотик. Ролан Барт в предисловии к «Физиологии вкуса» Саварена (1-е издание — 1825 года, за которым последовали многочисленные переиздания) подчеркивает эту разницу в представлении о вине поэта и прославленного кулинара [Barthes 2002: 808]. Обыватель пьет, запивая вкусный обед. Поэт пьет, чтобы забыться и вдохновиться. Именно этому посвящено стихотворение в прозе Бодлера «Опьяняйтесь!» из сборника «Парижский сплин» (1869):

Пьяным нужно быть всегда. Это — все: в этом все дело. Чтобы не чувствовать тяжелого груза Времени, что сокрушает вам плечи и пригибает к земле, нужно постоянно опьяняться.

Но чем? Вином, поэзией или добродетелью — чем хотите. Но опьяняйтесь. [Бодлер 2011: 79]

Главный грех в череде человеческих бед — «это скука, исторгающая из глаз невольные слезы» («C'est l'Ennui! — l'oeil chargé d'un pleur involontaire»). И алкоголь призван к тому, чтобы ее развеять¹³. Традиция, заложенная уже в Античности и декларативно заявленная Бодлером, найдет своих продолжателей и в русской поэзии — и прежде всего у русских символистов, «жизнестроительство» которых также оправдывает самоопьянение разного рода — будь то алкоголь, входящие в моду наркотики, промискуитет или квазирелигиозная экстастика. По меткому выражению Аврил Пайман, поэтическая «соборность» русского символизма обернулась, помимо прочего, «всемирным запоем» [Пайман 1998: 266]. Блоковская строка «In vino veritas» — пароль и лозунг, пусть и трагический, литературного и особенно поэтического мировосприятия.

13 О сознательной и публичной эксцентричности Бодлера см.: [Соколова 2015]. О рецензии и своего рода культе Бодлера в России см.: [Wanner 1996].

В развитие темы литературного пьянства есть смысл оговариваться, что риторика пьянства как таковая предполагает разные аргументы за и против¹⁴. Вероятно, есть здесь и своя «жанровая» специфика. Похвалы выпивке, освобождающей поэта от скуки и рутины повседневности и пробуждающей его вдохновение, отличаются от добровольной аскезы, условно говоря, тех литераторов (по преимуществу прозаиков), которые воспринимают пьянство как своего рода путь самопожертвования, богоискательства и морально-нравственного преображения¹⁵. Применительно к российской культуре показательным и важным здесь остается следующее: это столкновение собственно поведенческих и дискурсивных моделей риторики в пользу первых. Возможно, основной причиной этого обстоятельства стали, с одной стороны, традиции церковной гомилетики, эпидейктического красноречия (а не традиций совещательного и судебного красноречия, как то было в Западной Европе), с другой — прокламируемый отказ от школьной и университетской риторики, убеждение в необязательности риторического образования вообще [Богданов 2008: 68–104]. Вероятно поэтому же: (не)риторический вопрос «Пить или не пить?» в русской литературе ставился — а часто все еще и ставится — как вопрос «Быть или не быть?».

Библиография / References

- [Березуцкий, Березуцкая 2020] — *Березуцкий В.И., Березуцкая М.С.* М.П. Мусоргский: взаимовлияние творчества и алкоголизма // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2020. Т. 120. № 2. С. 66–75.
- (*Berezuckij V.I., Berezuckaya M.S.* M.P. Musorgskiy: vzaimovliyaniye tvorchestva i alkogolizma // Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova. 2020. Vol. 120. No. 2. P. 66–75.)
- [Богданов 2008] — *Богданов К.А.* О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- (*Bogdanov K.A.* O krokodilakh v Rossii. Ocherki iz istorii zaimstvovaniy i ekzotizmov. Moscow, 2008.)
- [Бодлер 2011] — *Бодлер Ш.* Стихотворения в прозе. Фанфарло. Дневники / Пер. с фр. Е.В. Баевской. СПб.: Наука, 2011.
- (*Baudelaire C.* Petits poèmes en prose. Le Spleen de Paris. La Fanfarlo. Journaux intimes. Saint Petersburg, 2011. — In Russ.)
- [Глеб Успенский в жизни 1935] — Глеб Успенский в жизни. По воспоминаниям, переписке и документам / Сост. А.С. Глинка-Волжский. М.; Л.: Academia, 1935.
-
- 14 Примеры таких аргументов с отсылкой к различным культурным и социально-психологическим факторам добровольной интоксикации в истории европейской культуры и, в частности, литературы см.: [Roth 2005].
- 15 См., например, характерные рассуждения Игоря Авдиева, давнего собутыльника Венедикта Ерофеева: «Пить — это тоже аскеза. Чтобы пить, нужно многое оставить: оставить близких, плюнуть на карьеру, выгрести догла карманы, закусывать акридами... Сохраняется только братство избранных и Бог, Который посреди двух или трех, поднявших глаза к созвездиям и просящих благословения. Опрокидывая стакан, человек учится смотреть на небо, но если пьяным становится на четвереньки, то начинает лакать, а потом блевать. Взирая на небо, невозможно блевать. С тем, кто лакает, не об чем пить» [Ерофеев 2003: 557].

- (Gleb Uspenskij v zhizni. Po vospominaniyam, perepiske i dokumentam. Moscow; Leningrad, 1935.)
- [Горький 1955] — *Смирнский В.* Из переписки с М. Горьким // Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 29. М.: Гослитиздат, 1955. С. 461—462.
- (*Smirenskiy V.* Iz perepiski s M. Gor'kim // Gor'kiy M. Sbranie sochineniy: In 30 vols. Vol. 29. Moscow, 1955. P. 461—462.)
- [Гуковский 1941] — *Гуковский Г.А.* Сумароков и его литературно-общественное окружение // История русской литературы: В 10 т. Т. III. Ч. 1. М.; Л.: АН СССР, 1941.
- (*Gukovskiy G.A.* Sumarokov i ego literaturno-obshchestvennoe okruzhenie // Istoriya russkoy literaturey: In 10 vols. Vol. III. Pt. 1. Moscow; Leningrad, 1941.)
- [Дмитриев 1869] — *Дмитриев М.А.* Мелочи из запаса моей памяти. М: Русский архив, 1869.
- (*Dmitriev M.A.* Melochi iz zapasa moey pamtyati. Moscow, 1869.)
- [Домострой 2016] — Домострой. М.: Наука, 2016.
- (*Domostroy.* Moscow, 2016.)
- [Достоевский 1973] — *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 6. Л.: Наука, 1973.
- (*Dostoevskiy F.M.* Polnoe sbranie sochineniy: In 30 vols. Vol. 6. Leningrad, 1973.)
- [Достоевский 1976] — *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 15. Л.: Наука, 1976.
- (*Dostoevskiy F.M.* Polnoe sbranie sochineniy: In 30 vols. Vol. 15. Leningrad, 1976.)
- [Достоевский 1989] — *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений: В 15 т. Т. 5. Л.: Наука, 1989.
- (*Dostoevskiy F.M.* Sochineniya: In 15 vols. Vol. 5. Leningrad, 1989.)
- [Ерофеев 2003] — *Ерофеев В.В.* Мой очень жизненный путь. М.: Вагриус, 2003.
- (*Erofeev V.V.* Moy ochen' zhiznennyy put'. Moscow, 2003.)
- [Ерышев 2013] — *Ерышев О.Ф.* Последнее письмо М.И. Глинки. Патографические заметки о личности композитора // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. 2013. № 4. С. 107—112.
- (*Eryshev O.F.* Poslednee pis'mo M.I. Glinki. Patograficheskie zametki o lichnosti kompozitora // Obozrenie psikhiiatrii i meditsinskoj psikhologii. 2013. No. 4. P. 107—112.)
- [Кацис 2000] — *Кацис Л.Ф.* Владимир Маяковский. Поэт в интеллектуальном контексте эпохи. М.: Языки русской культуры, 2000.
- (*Kacis L.F.* Vladimir Mayakovskiy. Poet v intellektual'nom kontekste epokhi. Moscow, 2000.)
- [Лиссарга 2008] — *Лиссарга Ф.* Вино в потоке образов. Эстетика древнегреческого пира / Пер. с фр. Е. Решетниковой. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- (*Lissarrague F.* Un flot d'images. Moscow, 2008. — In Russ.)
- [Луконин 2016] — *Луконин Д.Е.* «Больно видеть, как мало признаются... его заслуги». Беляевский кружок в художественной жизни России (конец XIX — начало XX века). М.: Новый хронограф, 2016.
- (*Lukonin D.E.* "Bol'no videt', kak malo priznautysya... ego zaslugi". Belyaevskiy kruzhok v khudozhestvennoy zhizni Rossii (konets XIX — nachalo XX veka). Moscow, 2016.)
- [Ляшенко 2020] — *Ляшенко Т.М.* Метафизический смысл пьянства в романе М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» // *Litera.* 2020. № 1. С. 257—269.
- (*Lyashenko T.M.* Metafizicheskiy smysl p'yanstva v romane M.E. Saltykova-Shchedrina "Gospoda Golovlyovy" // *Litera.* 2020. No.1. P. 257—269.)
- [Маяковский 1955] — *Маяковский В.В.* Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 1. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1955.
- (*Mayakovskiy V.V.* Polnoe sbranie sochineniy: In 13 vols. Vol. 1. Moscow, 1955.)
- [Мешонник 2014] — *Мешонник А.* Рифма и жизнь / Пер. с фр. Ю. Маричик-Сьоли. М.: ОГИ, 2014.
- (*Meschonnic H.* La rime et la vie. Moscow, 2014. — In Russ.)
- [Михайловский 1909] — *Михайловский Н.К.* Полное собрание сочинений: В 7 т. 4-е изд. Т. 7. СПб.: Русское богатство, 1909.
- (*Mihajlovskiy N.K.* Polnoe sbranie sochineniy. 1906—1909. Vol. 7. Saint Petersburg, 1909.)
- [Некрасов 2000] — *Некрасов Н.А.* Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. СПб.: Наука, 2000.
- (*Nekrasov N.A.* Polnoe sbranie sochineniy i pisem: In 15 vols. Saint Petersburg, 2000.)
- [Нестерова 1997] — *Нестерова Е.В.* Леонид Иванович Соломаткин. Жизнь и творчество. СПб.: Аксиома, Алетейя, 1997.
- (*Nesterova E.V.* Leonid Ivanovich Solomatkin. Zhizn' i tvorchestvo. Saint Petersburg, 1997.)
- [Пайман 1998] — *Пайман А.* История русского символизма / Пер. с англ. В.В. Исакович. М.: Республика, 1998.
- (*Pyman A.* A history of Russian Symbolism. Moscow, 1998. — In Russ.)
- [Поэты XVIII века 1972] — *Поэты XVIII века /* Под ред. Г.П. Макогоненко. М.: Советский писатель, 1972.
- (*Poety XVIII veka / Ed.* by G.P. Makogonenko. Moscow, 1972.)

- [Салтыков-Щедрин 1972] — *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собрание сочинений: В 20 т. Т. 13. М.: Худ. лит., 1972.
- (*Saltykov-Shchedrin M.E.* Sbranie sochineniy: In 20 vols. Vol. 13. Moscow, 1972.)
- [Северянин 1995а] — *Северянин И.* Сочинения: В 5 т. Т. 3. СПб.: Logos, 1995.
- (*Severyanin I.* Sochineniya: In 5 vols. Vol. 3. Saint Petersburg, 1995.)
- [Северянин 1995б] — *Северянин И.* Сочинения: В 5 т. Т. 2. СПб.: Logos, 1995.
- (*Severyanin I.* Sochineniya: In 5 vols. Vol. 2. Saint Petersburg, 1995.)
- [Северянин 1995в] — *Северянин И.* Сочинения: В 5 т. Т. 1. СПб.: Logos, 1995.
- (*Severyanin I.* Sochineniya: In 5 vols. Vol. 1. Saint Petersburg, 1995.)
- [Северянин 1996] — *Северянин И.* Сочинения: В 5 т. Т. 5. СПб.: Logos, 1996.
- (*Severyanin I.* Sochineniya: In 5 vols. Vol. 5. Saint Petersburg, 1996.)
- [Соколова 2015] — *Соколова Т.В.* Силуэт эксцентрической личности в творчестве Бодлера // Шарль Бодлер & Вальтер Бенъямин: Политика & Поэтика. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 48–67.
- (*Sokolova T.V.* Siluet ekstsentricheskoj lichnosti v tvorchestve Bodlera // *Sharl' Bodler & Val'ter Ben'yamin: Politika & Poetika.* Moscow, 2015.)
- [Спаский 1933] — *Спаский С.* Маяковский и его современники (отрывки) // <http://severyanin.lit-info.ru/severyanin/vospominaniya-o-severyanine/spasskij-mayakovskij-i-ego-sovremenniki.htm> (дата обращения: 19.07.2023).
- (*Spasskij S.* Mayakovskij i ego sovremenniki // <http://severyanin.lit-info.ru/severyanin/vospominaniya-o-severyanine/spasskij-mayakovskij-i-ego-sovremenniki.htm> (accessed: 19.07.2023).)
- [Тиганов 2015] — *Тиганов А.С.* Модест Петрович Мусоргский // Психиатрия. 2015. № 3. С. 95–97.
- (*Tiganov A.S.* Modest Petrovich Musorgskiy // *Psikhiatriya.* 2015. No. 3. P. 95–97.)
- [Уайт 2005] — *Уайт Ф.* «Тайная жизнь» Леонида Андреева: история болезни // Вопросы литературы. 2005. № 1. С. 323–339.
- (*White F.* "Taynaya zhizn'" Leonida Andreeva: istoriya bolezni // *Voprosy literatury.* 2005. No. 1. P. 323–339.)
- [Успенский 1929] — *Успенский Г.И.* Из письма Г.И. Успенского к В.А. Гольцеву, без даты (1888, декабрь) // Успенский Г.И. Сочинения и письма в одном томе. Л.; М.: Госиздат, 1929.
- (*Uspenskij G.I.* Sochineniya i pis'ma v odnom tome. Leningrad; Moscow, 1929.)
- [Успенский 1971] — *Успенский Г.И.* «Кому на Руси жить хорошо» // Некрасов в воспоминаниях современников / Сост. С.А. Розанова. М.: Худ. лит., 1971.
- (*Uspenskij G.I.* Komu na Rusi zhit' khorosho // *Nekrasov v vospominaniyakh sovremennikov.* Moscow, 1971.)
- [Фидлер 2008] — *Фидлер Ф.Ф.* Из мира литераторов: характеры и суждения / Изд. подгот. К. Азадовский. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- (*Fidler F.F.* Iz mira literatorov: kharaktery i suzhdeniya. Moscow, 2008.)
- [Фролов 2002] — *Фролов С.В.* Пьянство в контексте творческого процесса позднего Чайковского // Литературный текст: проблемы и методы исследования. Вып. 8. Мотив вина в литературе: Сб. науч. тр. / Отв. ред. И.В. Фоменко. Тверь: Лилия принт, 2002. С. 49–56.
- (*Frolov S.V.* P'yanstvo v kontekste tvorcheskogo protsessa pozdnego Chaykovskogo // *Literaturnyy tekst: problemy i metody issledovaniya.* Iss. 8. Motiv vina v literature: Sb. nauch. tr. Tver', 2002. P. 49–56.)
- [Хазазеров 2022] — *Хазазеров Г.Г.* Четыре взгляда на троп. М.: Флинта, 2022.
- (*Hazagerov G.G.* Chetyre vzglyada na trop. Moscow, 2022.)
- [Чуковский 1933] — *Чуковский Н.* Жизнь и творчество Н. Успенского // Успенский Н. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.; Л.: Academia, 1933.
- (*Chukovskiy N.* Zhizn' i tvorchestvo N. Uspenskogo // *Uspenskij N.* Sochineniya: In 2 vols. Vol. 1. Moscow; Leningrad, 1933.)
- [Чэн Лян 2021] — *Чэн Лян.* Мотив пьянства в прозе Скитальца (С.Г. Петрова) и Лу Синя: к вопросу о русском и китайском менталитетах // Современные проблемы литературоведения, лингвистики и коммуникативистики глазами молодых ученых. Традиции и новаторство: Сб. ст. с междунар. участием. Вып. XII / Отв. ред. А.В. Курочкина. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. С. 94–101.
- (*Chen Lyan.* Motiv p'yanstva v proze Skital'tsa (S.G. Petrova) i Lu Sinya: k voprosu o russkom i kitayskom mentalitetakh // *Sovremennyye problemy literaturovedeniya, lingvistiki i kommunikativistiki glazami molodykh uchenykh.* Traditsii i novatorstvo: Sb. st. s mezhdunar. uchastiem. Iss. XII. Ufa, 2021. P. 94–101.)
- [Ясинский 1926] — *Ясинский И.И.* Роман моей жизни. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926.
- (*Yasinskij I.I.* Roman moey zhizni. Moscow; Leningrad, 1926.)

- [Barthes 2002] — *Barthes R.* Lecture de Brillat-Savarin // *Barthes R. Œuvres complètes: En 5 t. T. IV: Livres, textes, entretiens, 1972—1976.* Paris: Seuil, 2002.
- [Chu et al. 2019] — *Chu T., Au W.T., Hoyan C.H.F.* Effect of alcohol-related poems on drinking // *Cogent Psychology.* 2019. No. 6. <https://doi.org/10.1080/23311908.2019.1586079>
- [Ciobica et al. 2015] — *Ciobica I., Ciobica A., Timofte D., Colibaba S.* General aspects regarding the phenomenon of alcoholism in literature // *International Letters of Social and Humanistic Sciences.* 2015. Vol. 57. P. 35—41.
- [Douglas 1987] — *Douglas M.* Constructive drinking. Perspectives on Drink from Anthropology. Cambridge: Cambridge UP, 1987.
- [Gilmore 1987] — *Gilmore T.B.* Equivocal Spirits: Alcoholism and Drinking in Twentieth-Century Literature. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1987.
- [Goodwin 1988] — *Goodwin D.W.* Alcohol and the Writer. Kansas City: Andrews and McMeel, 1988.
- [Hinks 1940] — *Hinks D.A.G.* Tisias and Corax and the Invention of Rhetoric // *The Classical Quarterly.* 1940. Vol. 34. No. 1—2. P. 61—69.
- [Roth 2000] — *Roth M.* “Anacreon” and drink poetry; or, the art of feeling very very good // *Texas Studies in Literature and Language.* 2000. Vol. 42. No. 3. P. 314—345.
- [Roth 2005] — *Roth M.* Drunk the Night Before: An Anatomy of Intoxication. Minneapolis; London, University of Minnesota Press, 2005.
- [Taylor 2013] — *Taylor A.* Cultural aspects: illustrations of alcohol use in literature // *Alcohol: Science, Policy and Public Health / Ed. by P. Boyle et al.* Oxford UP, 2013. P. 30—33.
- [Wanner 1996] — *Wanner A.* Baudelaire in Russia. Gainesville: University Press of Florida, 1996.
- [Wertsch 1975] — *Wertsch J.* The Influence of Listener Perception of the Speaker on Recognition Memory // *Journal of Psycholinguistic Research.* 1975. Vol. 4. P. 89—98.
- [Wiley 2009] — *Wiley R.J.* Tchaikovsky. Oxford: Oxford UP, 2009.